

7. **Московичи С.** Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 408–448.
8. **Ранкур-Лаферриер Д.** Психоанализ Сталина // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 481–552.
9. **Эриксон Э.** Психоанализ Гитлера // Психология и психоанализ власти. – Самара : БАХРАХ, 1999. – Т. 2. – С. 449–480.
10. **Зубарев С. М.** Хрустальный купол фантазий. – М. : Academia, 2011. – 288 с.
11. **Степанова Е. А.** Фундаментализм и мания идентичности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 8. – С. 94–116.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 13 + 165 + 316.3/.4

СМЫСЛ ИСТОРИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Н. С. Розов (Новосибирск)

Проблема смысла истории раскрывается через категории испытания и общезначимых ценностей. Фундаментальные процессы испытания рядоположены процессам естественного складывания и искусственного конструирования. Показано, что в истории именно испытания разного масштаба играют ключевую роль. Поскольку безопасность, свобода и счастье людей зависят в наибольшей мере от уровня защиты общезначимых ценностей (минимальных ценностей, тонкого слоя ценностей), то смысл человеческой истории раскрывается как глобальное самоиспытание человеческого рода на способность к осуществлению общезначимых ценностей в жестких условиях соперничества и дефицита ресурсов.

Ключевые слова: *смысл истории, общезначимые ценности, испытание, безопасность, свобода, счастье, доминирование, Gemeinschaft и Gesellschaft.*

THE MEANING OF HISTORY AS A SUBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL AND AXIOLOGICAL ANALYSIS

N. S. Rozov (Novosibirsk)

The problem of meaning of history is discussed using the categories of testing and universally valid values. The fundamental testing processes accompany the

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Розов Н. С., 2013

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: nrozov@inbox.ru

natural processes of taking shape and the artificial processes of constructing. It is shown that it is exactly the processes of testing on various scales that play a key role in history. Since security, freedom and happiness of people depend mostly on the level of protection of the universal values (the minimal values, the thin layer of values), the meaning of human history is revealed as a global self-testing of the human race's ability to implement these values in the tough conditions of competition and scarcity of resources.

Key words: *meaning of history, universally valid values, processes of testing in history, security, freedom, happiness, domination, Gemeinschaft and Gesellschaft.*

Оправданность и корректность исторических оценок. История и ценности – традиционная тема философии истории. Сегодня вряд ли кто-то будет утверждать возможность и необходимость полной «свободы от ценностей», дистиллированной «чистоты» и «нейтральности» истории. Ценностная нагруженность, присутствие ценностей всегда явно или неявно имеют место в историческом дискурсе. В то же время сами ценности появляются и развиваются в истории, причем более или менее известно, когда и как. Самые бурные споры относительно прошлого всегда связаны с ценностями, тогда как споры относительно ценностей нередко ведутся с апелляцией к истории.

Покажем значимость ценностных проблем с точки зрения сформулированных выше критериев. Ценности и оценки – всегда актуальная тема публичного дискурса, особенно когда эти вопросы вплетены в идейные и политические конфликты. Исторические оценки завоевывают внимание, если обсуждаемые исторические акторы (лидеры, политические группы, сословия, народы) хотя бы потенциально составляют основу для формирования идентичности современных социальных групп. Экзистенциальные вопросы «кто я?» «кто мы?» всегда явно или неявно подразумевают вопросы «кто мои предшественники?», «чьи идеи и дела мы продолжаем?». Естественное стремление к созданию собственного «ретроспективного канона» и возвеличиванию плеяды предшественников ведет к порождению исторических мифов. Такие мифы могут быть распространены и устойчивы, когда подкрепляют легитимность монополю доминирующей политической силы, либо могут служить оружием в идеологической борьбе двух и более конфликтующих сил. Научная история всегда имеет расхождение с историческими мифами. Ее критическая функция объективно значима в обоих типах случаев: как возвращение к реальности и трезвому взгляду на прошлое при доминировании единого мифа, как арбитр и держатель критериев научной обоснованности в ситуациях идеологического противоборства с использованием разных тенденциозных образов прошлого. При этом компетенция исторической науки ограничивается указанием на факты и закономерности.

В отношении горячих и конфликтных тем оценок и ценностей истории иногда стараются выдерживать нейтральную позицию, иногда сами делают оценки, принимая ту или иную сторону в споре. Систематическое и глубокое рассмотрение ценностного аспекта отношения к прошлому доступно только философии: пересечению теории ценностей (аксиологии) и философии истории. Выбор стратегий в решении актуальных

проблем общественной практики (экономические кризисы, экология, социальные болезни, межэтнические конфликты и проч.) всегда предполагает оценку правомерности и результативности прошлых стратегий. Острая борьба за общественные ресурсы по решению этих проблем выражается, в частности, в борьбе оценок относительно прошлых попыток решения, причин их успехов или неудач. Продолжающиеся споры порождают потребность в разработке общих, приемлемых для сторон оснований, в данном случае – ценностных. Таким образом, проблематика ценностей и оценок в истории оказывается востребованной и в этой сфере – области насущных проблем общественной практики.

В современной философии истории почти не встречаются полярные взгляды: утверждение жесткой нейтральности – свободного от ценностей объективизма и призывы к моральному ригоризму – систематическому оцениванию лидеров, их деяний, событий, режимов и периодов прошлого. Обычно присутствие в исторических текстах ценностей и оценок признается нормальным и неизбежным. Доминирует либеральная позиция, допускающая множественность различных оценок в интерпретациях. Так, Крис Лоренц основывается на том, что ценности часто не отделены от фактов, что всегда есть личные мировоззренческие установки историка и горизонт ожиданий предполагаемой читательской публики [1]. Фактически здесь оправдывается не только ценностный плюрализм (нормальность того, что у разных людей – разные ценности и оценки прошлого), но и ценностный релятивизм (отказ от дискуссий относительно правомерности и предпочтительности разных ценностных систем и соответствующих оценок прошлого). Если плюрализм правомерен (в рамках, требующих отдельного обсуждения), то релятивизм в отношении ценностей лишает смысла любые споры о морали, в том числе о моральном оправдании/обвинении прошлых деяний, что принять уже нельзя.

Верно отмечает Лоренц, что ценности часто не отделены от фактов, но отсюда не следует, что не надо стремиться к такому отделению и что оно невозможно. Верно также суждение о множественности личных позиций историков и множественности горизонтов ожидания, включающих разные ценности платформы, но это вовсе не означает, что не следует соотносить эти позиции и ценности, что не следует аргументировать те или иные принципы оценки деяний и явлений прошлого. Так, например, вполне обоснованной представляется морально-ригористическая позиция Антоона де Баетса относительно того, что прошлые поступки, нарушающие человеческое достоинство и неотъемлемые права, не подлежат прощению за давностью лет [2].

Глубокие затруднения в ценностной проблематике истории касаются правомерности оценок прошлых деяний. Можно ли оценивать последние с позиций сегодняшних ценностей? Если нет, то означает ли это возможность полного оправдания очевидных злодеяний, жестокости, пыток, предательства, подлости, поскольку все это совершалось в рамках прежних ценностных представлений? Следует смириться с тем, что история была и будет полем моральных битв. Вопрос состоит в том, как эти ценностные конфликты, связанные с историей, сделать продуктивными

и упорядоченными. Внесение порядка в конфликтные взаимодействия, включая споры относительно ценностей и оценок событий и деяний прошлого, всегда подразумевает правила. Такие правила нельзя дедуцировать ни из самой исторической дисциплины, ни из теории ценностей. Правила исторических оценок, правила ведения дискуссий относительно таких оценок, установление оснований для таких правил – это очевидная обязанность философии истории, которая, однако, до сих пор не очень хорошо с ней справляется.

Проблема корректности исторических оценок никогда не будет решена окончательно. Однако уже сейчас можно указать на спектр ценностных платформ, которые нельзя не учитывать при любом походе к ее решению:

- современные ценности, претендующие на универсальность (как правило, связанные с гуманизмом, защитой достоинства, свободы и прав личности);
- современные национальные ценности разных обществ, ценности религиозных конфессий и моральных учений;
- собственные мировоззренческие, в том числе ценностные, установки участников прошлых исторических событий, основных акторов;
- тогдашние ценности, принятые, преобладающие в обществах, где происходили эти события;
- состояние и уровень ценностей в наиболее крупных, развитых, влиятельных обществах той же эпохи.

Как уточнять и использовать эти или другие основания для исторических оценок – обширное и потенциально богатое пространство будущих размышлений, причем доступное именно в рамках и средствами философии истории.

Смысл истории и историческое самоопределение. Тема ценностей и оценок прошлого неразрывно связана с проблемой смысла истории. Вопрос о смысле человеческой истории принадлежит к кругу «вечных проблем», или «проклятых вопросов» философии [3; 4]. Если бы появился ответ, устраивающий философов в течение достаточно длительного времени, то проблема стала бы считаться решенной и потеряла бы статус великой [5, раздел 7.2]. Смысл истории – это, прежде всего, смысл исторических изменений. Парадоксальным образом проблема смысла истории как главная традиционная тема классической философии истории – от Августина до Канта – стала теперь практически запретной. Среди историков и философов истории говорить о «смысле истории» стало даже более «неприличным», чем для современных антропологов и культурологов говорить о «культуре». Однако субъекты истории – политические лидеры, партии, государства, этносы и нации – живут и действуют в той истории, которая имеет для них некий смысл. Когда историческая наука и философия оставляют поле осмысления истории, оно не остается пустым. Этот смысл обычно задается идеологиями, религиями, популярными упрощенными концепциями вплоть до манихейской конспирологии и фэнтези (борьба сил Добра против сил Зла).

Общая негласная установка ученых и философов состоит в том, что смысл истории придают сами люди. Однако никто при этом не осмели-

вается прямо объявить мировую историю лишенной какого-либо присущего ей объективного смысла. Такое межумочное состояние, на самом деле, должно стать интеллектуальным вызовом для философов истории, но среди них почти никто на этот вызов не откликается. Тема смысла истории является в некотором роде венцом каждой субстанциональной философско-исторической парадигмы, поскольку предполагает представления о динамике, структуре, ходе истории, о роли и месте ценностей в исторических процессах.

Фундаментальные социальные процессы: конструирование, складывание и испытание. Еще Августин утверждал, что прошлого и будущего нет, а есть только настоящее. Однако прошлое, хоть и исчезло, но не бесследно. О нем мы узнаем именно по «следам» (документам, артефактам) как части настоящего. Будущего же нет даже в «следах», а о «предзнаменованиях» люди судят всегда лишь апостериори. Настоящее прокладывает себе путь в «пустоту», в каждый момент образуя новые спектры возможностей, но двигаясь вперед и становясь новым настоящим лишь через реализацию одних возможностей и игнорирование (а иногда и устранение) других возможностей. Люди издавна умело оперируют этими возможностями в искусственных процессах конструирования, когда все средства и ресурсы обозримы и полностью управляемы. Чтобы начерченный в проекте дом стал реальным домом, чтобы проведенная на карте железная дорога была построена через горы и реки, чтобы обрели плоть задуманные конструкторами океанский лайнер или космический корабль, строители последовательно выполняют известные им этапы и цепочки действий, каждый раз создавая именно те возможности, последующая реализация которых продвигает строительство по намеченному пути.

В обществах, тем более, в международных процессах преобладают естественные процессы складывания, когда единого эффективного контроля над производством и реализацией возможностей нет. Большие и малые группы с разными ресурсами отчасти контролируют только свои, весьма узкие сектора возможностей, обычно конкурируя и конфликтуя между собой, что и дает в результате «естественное» складывание. Все истории вполне правомерно пишутся в парадигме складывания. Мы пытаемся предсказать, спрогнозировать то, что не можем спроектировать и построить, т. е. получающееся в процессах складывания.

На границе складывания и конструирования как основных типов исторических изменений находится большая и крайне значимая комплексная область, в которой отчасти естественно, отчасти искусственно отбираются или отбрасываются, выдвигаются на первый план или вытесняются на периферию, распространяются или сужаются разного рода конфигурации (технические устройства, социальные структуры, культурные образцы, психические установки, а также их сложные конгломераты, например, организации или государства). Назовем эту большую сферу процессов родовым именем испытания. Конкуренция, разного рода конфликтные взаимодействия, вызовы и ответы – все это входит в большую область явлений испытания. Если конструирование – искусственно – складывание – естественно, то испытание – гибридно. Испытание –

это, с одной стороны, попытка добиться успеха, попытка достижения цели, попытка воплотить в жизнь задуманную идею, цель, проект. С другой стороны, в отличие от конструирования, при испытании нет полного контроля над основными ресурсами и условиями. Обстоятельства сложатся так или иначе. Поэтому и испытание может привести к успеху, среднему результату или вовсе провалу.

Каждое общество преимущественно складывается, причем в течение многих десятилетий и даже столетий. Но история крупных лидеров, государственных деятелей, тексты конституций, сводов законов, проекты реформ неизменно свидетельствуют и о попытках конструирования. Поэтому получившийся результат, качество которого наиболее явно проявляется в потоках миграции, – бегут ли из этого общества или стремятся побывать и поселиться в нем – это всегда итог испытания, того, как удаются или не удаются попытки социального конструирования в складывающихся внутри общества и вокруг него обстоятельствах.

А как нам всем вообще живется на планете Земля? Как будут здесь жить наши дети, внуки и правнуки? Нет принципиальных препятствий (кроме застарелых привычек мышления), чтобы распространить категорию испытания и на все глобальное международное сообщество. Удастся ли человеческому роду обустроить свою жизнь на планете приличным и нестыдным образом? И в чем, собственно, состоит испытание человечества? Сама категория испытания является широкой рамкой; к тому же испытания для разных эпох и народов были разные. Выявление их и способы объединения в некий сложный, меняющийся смысл мировой истории – это самостоятельная большая сфера глубоких затруднений. Здесь мы выходим на фундаментальные проблемы классической этики. Существует ли единый моральный смысл человеческой истории? К чему вообще следует стремиться, причем, не отдельному индивиду или группе, а всем нациям и человечеству в целом? Что есть Добро?

Общезначимые ценности – via media между ценностным догматизмом и ценностным релятивизмом. Под ценностями здесь понимаются предельные нормативные основания актов сознания и поведения разумных существ [6, с. 113]. Такие основания могут быть выражены как понятия (честность, выгода, благо, безопасность, истина, жизнь, свобода, могущество и т. д.) или как императивы (не убий, не лги, не кради, люби ближних и проч.). Ценности существуют лишь постольку, поскольку существуют люди (индивиды, группы, сообщества), понимающие или принимающие их. С этой точки зрения, ценности онтологически вторичны (в противовес классической неокантианской аксиологии Виндельбанда, Риккерта, Шелера и др.). При этом ценности не сводятся лишь к психологическим и социальным установкам, но имеют статус культурных образцов [7; 8], что означает транслируемость при смене человеческих поколений и регулятивную, ориентирующую, принуждающую роль по отношению к сознанию и поведению людей, принимающих эти ценности (в противовес узким психологическим и социологическим трактовкам существа ценностей).

В данной концепции любые претензии на абсолютность и универсальность ценностей считаются ложными. Ценности (например, Бог) могут

иметь абсолютный характер, но только в рамках принимающих эти ценности сообществ. Универсальными же могли бы быть только те ценности, которые не только принимаются всеми ныне живущими людьми, но и всеми будущими поколениями; доказать же такое ни для какой ценности невозможно. Итак, ценностный догматизм отвергается. Основная масса ценностей – этосные ценности, т. е. принадлежащие тому или иному этосу: воспроизводящемуся в поколениях сообществу с особым вероисповеданием, культурой, убеждениями и проч. (этносы, нации, конфессии, устойчивые группы с субкультурами – все подпадают здесь под родовое понятие этоса).

Признание равноправия среди всего многообразия этосных систем ценностей – основа ценностного релятивизма. В этике хорошо известны опасности принятия такого учения: исчезают моральные основания для противостояния таким явлениям, как геноцид, терроризм, пытки, растление малолетних, канибальство и проч., поскольку соответствующие группы могут объявить свою систему этосных ценностей и отвергать любые запреты как не абсолютные, но основанные лишь на иных этосных ценностях. Классическим ответом на ценностный релятивизм всегда было соскальзывание к претензиям на объявление той или иной системы ценностей как высшей, абсолютной и нормативно универсальной (обязательной для всех), т. е. принятие того или иного варианта ценностного догматизма.

В этической концепции конструктивной аксиологии предпринята попытка *via media*: сохранение нормативной универсальности (общеобязательности) для определенного круга ценностей при отказе от претензий на их высший статус и абсолютность [6, раздел 2.1]. Общезначимые ценности – это понятийное выражение главных условий, выполнение которых необходимо для сохранения возможности всех людей (индивидов, групп, сообществ) осуществлять свои этосные ценности (ср.: [9–11]).

Аксиологический анализ позволил выделить два класса общезначимых ценностей: кардинальные, означающие первичные условия выполнения каких-либо ценностей (человеческая жизнь, здоровье, достоинство, основные права и свободы личности) и субкардинальные, означающие условия, необходимые для выполнения этих первичных условий (формы социальной защиты, политико-правовые нормы защиты личности и основных гражданских прав, экологические характеристики среды проживания, необходимые для сохранения здоровья, международные нормы, обеспечивающие безопасность и др. [9]).

Связь испытаний и ценностей. Испытание всегда предполагает критерии испытания, а предельные основания критериев всегда имеют ценностный характер. Испытания по критериям этосных ценностей назовем этосными испытаниями. Сумела ли Великобритания в конце XVIII в. сохранить свое мировое лидерство? Смогут ли США утвердить свою гегемонию в XXI в.? Станет ли Россия процветающей страной в ближайшие десятилетия? – такого рода испытания носят этосный характер, поскольку касаются ценностей и интересов соответствующих частных этосов. Входят ли такие испытания в смысл истории? Да, но только в

соответствующие «этосные» аспекты этого смысла (например, смысл национального исторического развития [12, гл. 16]).

Философское мышление, как всегда, стремится перейти от частного к общему. При последовательном применении той же логики общезначимые смыслы истории могут быть раскрыты только через общезначимые испытания, а последние оказываются испытаниями на осознание и осуществление общезначимых ценностей. Понять общезначимый смысл истории, значит, выявить источники и природу возможностей для формулирования, распространения и реализации общезначимых ценностей.

Каковы бы ни были такие источники и возможности, они возникают только в сообществах (или в их взаимодействиях), где всегда и везде господствуют этосные ценности. Можно ли найти некую общность в огромном разнообразии этосных систем ценностей? Историческая и теоретическая социология позволяет найти такие универсалии. Главными стремлениями людей и соответствующими этосными критериями эффективности режимов на протяжении всей истории и во всех цивилизациях остаются комфорт (материальный, социальный и духовный), могущество, богатство и престиж [13–15]. При этом, общезначимые ценности по каким-то причинам, вследствие действия каких-то механизмов как бы «прорастают» сквозь повсеместно распространенные этосные ценности и интересы.

Загадка смысла истории, таким образом, раскрывается как проблема выявления механизмов превращения этосного в общезначимое. Заметим, что здесь развивается идея Канта (позже подхваченная Гегелем в концепции «хитрости истории») о том, как извечный антагонизм и своекорыстие человеческой природы приводят к принятию ноуменальных принципов и культуры общительности [16]. В целом применяемый здесь подход можно обозначить как попытку средствами философии истории, теоретической истории и веберовской исторической социологии решить проблему, поставленную Кантом.

Спустившись с уровня философских абстракций на уровень научных задач и рассуждений, поставим такой вопрос. Как выяснить, кто, где и когда проходил испытания на построение и реализацию общезначимых ценностей? Возьмем следующие кардинальные ценности: жизнь, здоровье, свобода, достоинство личности. О появлении такого рода ценностей могли бы свидетельствовать документально зафиксированные моральные и правовые нормы: нельзя убивать и калечить, обращать в рабство и держать в рабстве, унижать кого бы то ни было. В реальной истории резкие скачки к универсальным принципам – относительно редкие и весьма поздние явления (кантовская этика, Декларация прав человека, Устав ООН, национальные конституции демократических государств). Поэтому следует говорить о частичных шагах в направлении к универсализации принципов.

История человечества включает не только и не столько сохранение устойчивости и преодоление угроз, сколько наличие необратимых, поступательных изменений (при всех сложностях исторических «возвратов» и упадков отдельных обществ). Смысл истории включает в себя

сохранение существования человеческого рода, но им не ограничивается. Каким же образом получить представление о необходимом дополнительном содержании? Наряду с испытанием на сохранение человеческого рода должно быть некое глобальное испытание, связанное с позитивным достижением.

Категория испытания в отличие от сугубо естественного складывания и искусственного конструирования соединяет меняющиеся объективные обстоятельства и меняющиеся субъективные человеческие стремления. Полезной оказываются классическая дихотомия Ф. Тённиса *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, а также дюркгеймианское представление о том, что счастье и осмысленность жизни человека достигаются в условиях солидарности, взаимной поддержки и теплых эмоциональных отношений, что как раз обеспечивают *Gemeinschaft*. Таким образом, главным историческим испытанием является способность обществ создать и «настроить» такие большие *Gesellschaft* (государства, межгосударственные и внутригосударственные формальные структуры), которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития малых *Gemeinschaft*, обеспечивающих счастье и осмысленность жизни индивидов [17]. Даже принятие такой версии оставляет обширное пространство затруднений, касающихся уточнения понятий «условий», «счастья» и «осмысленности жизни», оснований такого постулирования, тем более при сравнении с реальными стремлениями исторических акторов.

Процессы продвижения общезначимых ценностей. Деление всемирной истории на фазы и эпохи уже было проделано и обосновано в другом месте [5, гл. 5]. Каждая эпоха выделяется на основе явного доминирования обществ определенной фазы развития их режимов по 10 критериям эффективности. Начиная с эпохи доминирования обществ ранней государственности общезначимые ценности появляются, иногда побеждают, реализуются и даже распространяются на другие общества. Где, когда и каким именно образом это происходит – предмет эмпирико-исторического исследования. Каковы общие условия, способствующие возникновению и протеканию этих процессов – предмет теоретико-исторического исследования [18, части 1–2; 5, главы 2, 4, 6].

Здесь обозначим только исходные теоретические гипотезы.

1. Появлению общезначимых ценностей способствуют: выработка общих этических и социально-правовых понятий и принципов в интеллектуальной сети [19], связь этой сети с политическими группами, борющимися за широкое признание [20], востребованность новых широких этико-правовых идей (вероятно, в период социально-политического кризиса).

2. Признанию общезначимых ценностей властными элитами способствуют: победа политической группы с соответствующей идеологией благодаря историческому складыванию условий борьбы, «давление снизу» благодаря широкому признанию таких ценностей, ставка на достижение внешнего геокультурного престижа.

3. Реализации общезначимых ценностей способствуют: воля со стороны власти, легитимность власти, адекватная институциональная поддержка, налаженная и долговременная пропаганда, включение в воспитание.

4. Распространению общезначимых ценностей на другие общества способствует высокий геокультурный и геополитический престиж общества-донора.

Итак, искомым многими поколениями мыслителей смысл истории – это не загадочная формула, но философски разработанное направление эмпирического и теоретического исследования самой истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Lorenz Chris.** Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for 'Internal Realism' // History and Theory. Contemporary Readings. – Blackwell, 1998. – P. 342–376.
2. **Baets Antoon de.** Historical Imprescriptibility // Storia della Storiografia. – 2011. – Vol. 59–60. – P. 128–149.
3. **Коллингвуд Р.** Идея истории. Автобиография. – М. : Наука, 1980. – 486 с.
4. **Ясперс К.** Смысл истории. – М., 1993. – 550 с.
5. **Розов Н. С.** Философия и теория истории. – М. : Логос, 2002. – Кн. 1. Прологомены. – 656 с.
6. **Розов Н. С.** Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск : Изд. НГУ, 1998. – 292 с.
7. **Кребер А.** Стиль и цивилизации. Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры. – М. : Университетская книга, 1997. – С. 57–82.
8. **Розов Н. С.** Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск, 1992. – 215 с.
9. **Ролз Дж.** Теория справедливости. – Новосибирск, 1996. – 535 с.
10. **Parekh Bhikhu.** Non-ethnocentric Universalism // Human Rights in Global Politics / Dunn, Tim, and Nicholas J. Wheeler (eds.). – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – P. 128–159.
11. **Walzer Michael.** Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1994. – 120 p.
12. **Розов Н. С.** Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
13. **Вебер М.** Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
14. **Mann Michael.** The Sources of Social Power. – Cambridge Univ. Press, 1987, 1993. – Vol. 1–2.
15. **Collins Randall.** Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. – Stanford Univ. Press, 1999. – 328 p.
16. **Кант И.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. – М. ; Марбург, 1994. – Т.1. – С. 79–123.
17. **Тённис Ф.** Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 452 с.
18. **Разработка** и апробация метода теоретической истории. Серия «Теоретическая история и макросоциология». – Новосибирск : Наука, 2001. – Вып. 1. – 502 с.
19. **Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
20. **Skocpol Theda, and Margaret Somers.** Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge Univ. Press, 1994. – 354 p.

Принята редакцией: 11.09.2013